Зачем нужны данные о потреблении людей?

Юлия ВЫМЯТНИНА,
профессор факультета экономики,
Европейский университет в Санкт-Петербурге

Юлия РАСКИНА,
доцент факультета экономики,
Европейский университет в Санкт-Петербурге

В 2015 году премия Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля была присуждена Ангусу Дитону из Принстона «за анализ потребления, бедности и благосостояния». Дитон показал, как мы решаем, что потреблять, сколько сберегать и как измерять благосостояние.

Растущие цены на продовольствие и энергоносители приведут к глобальному обострению проблемы бедности и снижению благосостояния людей в большинстве стран мира. Тем актуальнее посмотреть на основные результаты исследований Ангуса Дитона, чьи работы затрагивают широкий спектр вопросов, связанных с благосостоянием людей. В фокусе внимания работ Дитона — поведение отдельных людей как основа для понимания устройства экономики в целом.

Нобелевский комитет выделяет три вопроса, ответы на которые лауреат ищет в своих удостоенных премии работах. Во-первых, как потребители распределяют свои расходы между различными товарами и услугами? Во-вторых, какая часть доходов общества тратится, а какая сберегается? И в-третьих, как лучше всего измерять и анализировать благосостояние и бедность?

Начнем с обсуждения того, как потребители распределяют расходы между разными товарами и услугами. Логично предположить, что по каждому товару и услуге у человека (или домохозяйства) есть представление о том, сколько приобретать этого товара или услуги в зависимости от его цены, цен на другие товары и услуги и общего дохода данного человека или домохозяйства. Каждое такое представление можно описать в виде зависимости спроса на товар или услугу от цен и дохода, а все такие зависимости вместе составляют систему спроса.

Система спроса полезна для принятия решений по экономической политике. Если правительство хочет изменить налогообложение определенного товара, важно знать, как это скажется на потреблении этого и других товаров, а также какие группы людей в итоге выиграют или проиграют от такой реформы. Такая система должна быть гибкой, чтобы прогнозировать поведение людей и учитывать, что у разных групп населения спрос на товары и услуги формируется по-разному в зависимости от дохода и других социально-экономических характеристик. С другой стороны, система спроса должна быть достаточно простой, чтобы ее можно было оценить,

Динамика сбережений позволяет лучше понять динамику накопления капитала (инвестиций)

используя данные о ценах на товары и услуги и о совершенных покупках.

В 60–70-х годах прошлого столетия экономисты активно разрабатывали системы спроса. Однако те системы не обладали нужными свойствами и плохо прогнозировали поведение людей. Решением стала так называемая почти идеальная система спроса, предложенная Дитоном и Джоном Мюльбауэром в 1980 году[1]. «Почти идеальная» — часть названия, указывающая, что она почти идеально соответствовала теории поведения потребителей. Эта система позволяла учитывать разницу в доходах потребителей и их демографические различия — например, возраст или состав семьи. Впоследствии предложенная ими система была усовершенствована и стала полезным инструментом для анализа последствий различных мер экономической политики или для сравнения уровня жизни людей в разных группах, между странами или его изменение с течением времени.

Если мы поняли, как устроена система спроса и сколько люди тратят на товары и услуги, то можно подняться на уровень выше и задаться вопросом о том, как люди принимают решение о распределении дохода между потреблением и сбережением. Динамика сбережений позволяет лучше понять динамику накопления капитала (инвестиций) и является одним из факторов формирования экономических циклов. Еще в середине XX века появились две теории, объясняющие отношение людей к потреблению на протяжении всей жизни, — модель жизненного цикла Франко Модильяни и гипотеза перманентного дохода Милтона Фридмана[2]. В основе этих теорий лежит идея о том, что люди не любят резких скачков в уровне своего потребления, поэтому они предпринимают действия, направленные на его сглаживание во времени: сберегают в ожидании более низких доходов и тратят (и даже берут кредит) в противоположном случае.

Эти рассуждения казались универсальными и были положены в основу макроэкономических моделей с «репрезентативным потребителем» — одним потребителем, чье поведение позволяет в общих чертах описывать поведение всех многочисленных отдельных потребителей. В соответствии с этими моделями волатильность потребления должна быть ниже, чем волатильность дохода, что подтверждалось на практике при сопоставлении совокупного дохода

[1] Deaton A., Muellbauer J. An almost ideal demand system // The American economic review. 1980. Vol. 70. № 3. P. 312–326.

[2] Вымятнина Ю. Деньги важны, но не очень. Нобелевская премия 1976 // Cbonds Review. 2021. № 3. С. 88–90.

Ангус ДИТОН,
лауреат Нобелевской премии по экономике «за анализ потребления, бедности и благосостояния»

Авторство: Holger Motzkau. Собственная работа, CC BY-SA 3.0

и совокупного потребления на уровне страны в целом.

Дитон отнесся к этому критически и в ряде работ, написанных в начале 1990-х годов, показал, что в соответствии с гипотезой перманентного дохода рациональный репрезентативный потребитель должен изменять свое потребление сильнее, чем изменяется его доход. Действительно, когда доходы экономики в целом увеличиваются, это обычно запускает рост доходов в течение некоторого периода времени. Рациональный потребитель, разумеется, знает эту закономерность, а потому должен уже сейчас повысить свое потребление. Следовательно, совокупное потребление в экономике должно вырасти сильнее, чем текущий совокупный доход. Это противоречие между теорией и данными получило название «парадокс Дитона».

Однако этот парадокс разрешается, если учесть два фактора: (1) доходы отдельных людей могут колебаться совсем не так, как совокупный доход в экономике; (2) большинство людей не имеет свободного доступа к кредитным ресурсам для сглаживания потребления[1]. Работы Дитона в этом направлении оказали огромное влияние на современную макроэкономику — парадигма «репрезентативного потребителя» стала вытесняться так называемыми неоднородными агентами, отличающимися по терпеливости, склонности к потреблению, возможностям получения дохода и т. п.

В последние десятилетия Дитон сконцентрировался на третьем вопросе, то есть на измерении и анализе благосостояния в развивающихся странах. Сложно перечислить все, сделанное Дитоном, в этом направлении, поэтому обозначим тезисно основные моменты. Прежде всего именно Дитон предложил перенести акцент с агрегированных данных о стране в целом на данные об отдельных индивидах и домохозяйствах. Он приложил массу усилий для развития системы массовых экономических опросов и обследований домохозяйств, которые стали основой для исследований, позволяя выявлять и оценивать те эффекты в отношении благосостояния людей, которые раньше были недоступными для исследования[2]. Также Дитон аргументировал необходимость переключения внимания с доходов людей на сбор максимально детальных данных об их потреблении, поскольку именно такие данные являются более надежным источником сведений о поведении и благосостоянии.

Сейчас сбор информации такого рода является важным элементом статистической информации — например, Росстат ведет ежегодное Обследование бюджетов домохозяйств. Эти данные являются основой, например, для определения потребительской корзины, которая используется для расчета ИПЦ. Если бы мы хотели построить систему идеального спроса для России, мы бы тоже могли использовать эти данные (правда, стоит отметить, что подробные данные о потреблении отдельных товаров и услуг домохозяйств России не находятся в свободном доступе). Другой крупный проект Росстата — Комплексное обследование условий жизни, данные которого позволяют детально исследовать благосостояние россиян в отношении не только их дохода или потребления товаров и услуг, но и их жилищных условий, возможностей накопления человеческого потенциала через образование и здоровье.

В идеале данные такого рода нужно собирать, наблюдая в течение длительного времени за большой группой одних и тех же людей. Такие данные называются панельными, или лонгитюдными. Однако в реальной жизни проводить такие исследования дорого и сложно. Так, например, вышеупомянутые исследования Росстата не являются лонгитюдными: каждый год обследуется новая репрезентативная выборка домохозяйств, и проследить судьбу отдельного домохозяйства в течение длительного времени в этих данных невозможно. Есть проблемы и в лонгитюдных данных, в частности из-за так называемой проблемы истощения выборки — люди отказываются продолжать участие, переезжают, умирают и пр. Отметим, что уменьшение размера выборки, скорее всего, носит не случайный характер: переезжать будут самые активные участники исследования, а умирать — самые больные. Следовательно, если мы попробуем работать со сбалансированной панелью, исключая из нее наблюдения по выбывшим участникам, мы можем получить недостоверные выводы. Но Дитон показал[3], что можно использовать одномоментные данные — результаты опросов, когда каждый раз выборка делается репрезентативной, но не предполагает наблюдения за одними и теми же респондентами. Сбор таких данных проще и дешевле, а предложенные Дитоном методы работы с ними во многих случаях дают более достоверные результаты.

Дитон также обратил внимание на еще одну методологическую проблему. Как правило, данные о доходах и расходах связаны не с отдельными людьми, а с домохозяйствами, состав которых различен. Но вполне очевидно, что благосостояние домохозяйства из одного человека с доходом в 20 тысяч рублей в месяц и домохозяйства из пяти человек с доходом в 100 тысяч рублей в месяц различны. Чем больше размер домохозяйства, тем больше у него возможностей для экономии (не случайно крайне высок уровень бедности среди одиноких пенсионеров). Разное благосостояние будет и у домохозяйств, в которых есть дети или неработающие пенсионеры, и домохозяйств, состоящих только из взрослых работающих людей. В некоторых странах важно не только количество и возраст детей, но и их пол — во многих развивающихся странах неравенство между девочками и мальчиками формируется уже на уровне семьи[4]. Для всех этих случаев Дитон предложил варианты корректного учета состава домохозяйств при проведении сравнительного анализа благосостояния.

Межстрановые сравнения благосостояния невозможны без пересчета из одной валюты в другую. Однако и официальный, и биржевой обменные курсы могут не отражать реальной покупательной способности сопоставимых сумм. Дитон внес существенный вклад в развитие методов для более корректных сопоставлений[5]. Он также работал над вопросами корректного измерения бедности, неравенства, здоровья, продолжительности жизни и даже счастья. Можно сказать, что значительная часть тех данных и того инструментария, которыми пользуются исследователи благосостояния людей, обязаны своему существованию многолетней упорной работе Агнуса Дитона.

[1] Deaton A. Saving and Liquidity Constraints // Econometrica: Journal of the Econometric Society. 1991. P. 1221–1248.

[2] Deaton A. The analysis of household surveys: a microeconometric approach to development policy. World Bank Publications, 1997.

[3] Deaton A. Panel data from time series of cross-sections // Journal of econometrics. 1985. Vol. 30. № 1–2. С. 109–126.

[4] Deaton A. S., Muellbauer J. On measuring child costs: with applications to poor countries // Journal of Political Economy. 1986. Vol. 94. № 4. P. 720–744.

[5] Deaton A., Heston A. Understanding PPPs and PPP-based national accounts // American Economic Journal: Macroeconomics. 2010. Vol. 2. № 4. P. 1–35.